

Вадим Грачев

ИСПОВЕДЬ АФЕРИСТА

РАССКАЗЫ



Вадим Грачев

Исповедь афериста

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57109640

Исповедь афериста. Рассказы / Вадим Грачев: Грифон; Москва; 2018

ISBN 978-5-98862-346-5

Аннотация

Все, что вы хотели знать о повседневной жизни в России «лихих девяностых» (а также «тихих нулевых»), но боялись спросить...

В девяностые годы выжить было непросто, и сделать это удалось далеко не всем (особенно тем, кто какое-то время считал себя хозяевами новой жизни). Вадиму Грачеву выжить удалось. Он получил бесценный опыт, которым готов поделиться с читателями.

Взгляд автора (и его героя) далек от «прорабов перестройки» и «реформаторских верхов», «залоговых аукционеров» и «семейных разборок»: на самом деле он более искренний, интересный и острый, чем у героев приглашенных мемуаров той эпохи. И все это – с юмором (порой черным), лаконично, ярко и неожиданно.

Словом, это настоящие похождения афериста, главной аферой которого стала сама жизнь – во всех ее прелестях и многообразии.

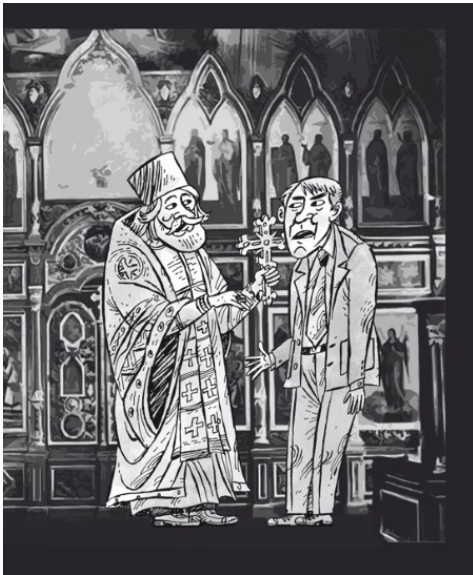
Содержание

Дела огуречные	6
Отец Костик	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Вадим Грачев

Исповедь афериста

*Все приведенные в книге истории являются
правдой, только правдой и ничем кроме правды.*



Иллюстрации художника Александра Егорова



© В. Грачев, 2018



Дела огуречные

Рассказ был написан несколько лет назад, до введения в 2014 году запрета на импорт сельскохозяйственной и иной продукции из стран Евросоюза и некоторых других государств.



Сегодня, когда я смотрю новости и слышу: «Овощи и фрукты подорожали по причине засухи в Зимбабве или неурожая в Аргентине», я смеюсь. Да, уже не те времена, и купить папайю проще, чем подмосковную картошку, и лю-

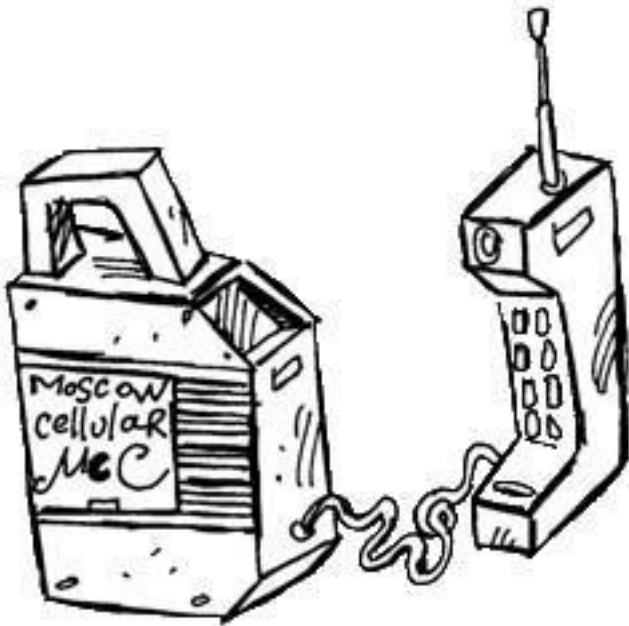
бой, даже самый задрипанный, супермаркет предложит на выбор сортов пять той же картошки из Египта или Франции (кто не знал: Франция, оказывается, еще и картошку на экспорт выращивает, Тамбов же далеко). Страну заполонили «резиновые» овощи и фрукты из Голландии, Испании, той же Аргентины, где, судя по новостям, неурожай. Выращивать что-либо в России – невыгодно. Урожай гниет. Зато голландские яблоки, обработанные воском, хранятся чуть ли не год, если верить ТВ. Кругом ГМО, а нас не пускают в ВТО (как вам каламбур? Сам придумал!). Их там, в Голландии, после пары «косяков» гашиша на жор, видать, пробивает, и им по фиг, что отправлять в рот. Хотя, я уверен, они сами эту гадость не едят.

Так кто же диктует цены на рынке овощей и фруктов? Неужели олигарх Гучериев? Он, как я слышал, еще и удобрениями занимается. Или наш главсанпедврач Онищенко, который одним росчерком пера перекрывает поставки овощей и фруктов из Польши? Маклеры? Брокеры? Дилеры? Не знаю. Знаю точно, что в 1999 году цену на огурцы в Москве диктовал я! А вы думали, рыночная мафия? Бандиты, собиравшие дань с колхозников, которые пригоняли из регионов машины с картошкой, капустой, луком и прочей мечтой вегетарианца? Нет, я. Лавры серого кардинала московской овощной мафии не дают мне спокойно спать, и, самое главное, срок давности по статье 159 УК РФ («Мошенничество») истек. Поэтому я и хочу рассказать эту историю.



Итак, на дворе ноябрь 1998 года. Прошел дефолт, народ в очередной раз опустился ниже плинтуса. Вся моя коммерция принесла мне большой минус. Машину продал, жена беременная... короче, доедал «последний» и без соли. Как я

стал владельцем магазина «Сад и огород» – отдельная история, но был и такой факт в моей биографии. Торговал каким-то дерьмом в полном смысле этого слова. Вытяжка из коровьего навоза под названием «Коровяк», оказывается, увеличивает всхожесть аж в два раза! Не знаю, не проверял. Но знаю, что когда этот гребаный «Коровяк» проливался (он был в пластиковых бутылках по 10 литров), то вонял намного хуже навоза, запах был стойкий и въедался даже в кожу. Зато народ сметал его только в путь. Денег ни у кого не было, и все вспомнили про свои «фазенды», на которых, кроме жаренья шашлыков, можно еще выращивать «вот та-акие» помидоры.оборот был приличный, но заработок – никакой. Стоило всё копейки (вернее, сотни рублей; в те времена один миллион рублей тянул аж на сто пятьдесят долларов), и чтобы заработать миллион, надо было продать ну очень много этого дерьма. Торговали мы, конечно же, не только «Коровяком», было еще добрых сотен пять всяких наименований, в том числе семена.



Сидя в своем «офисе» (он же склад, подсобка, столовая) и впитывая порами кожи весь спектр запахов полей аэрации, я скучал.

Читал инструкцию к какому-то новому чудо-средству. От этого занятия меня оторвал крик продавщицы, меня попросили в торговый зал. Залом эту комнату, как и «офис» – офисом, назвать можно было с трудом. Помещение четыре на четыре метра, заставленное всякой огородной дрянью.

В «зал» выходить я не любил. Мало того, что это наводило скуку, так еще и общение с очередной недовольной бабушкой (а контингент, как правило, так и выглядел) не предвещало ничего хорошего. Торговый зал был пуст, только возле стенда с семенами стояли два «джигита Памира». Личности были колоритные. Из какой кавказской или среднеазиатской республики они были, я так и не узнал до самого конца истории. Один из них был явно «москвич» (жил в Москве больше месяца и знал, что Черкизовский рынок находится рядом с метро «Черкизовская»), одет прилично и ничем не выделялся из разношерстной столичной толпы конца века. Второй, помоложе, явно только вчера спустился с гор, и если бы не шапка-«петушок» с надписью «Адидас» на голове и толстая борсетка, можно было подумать, что вышел он из кишлака или аула. Продавщица взглядом показала на них. Я подошел. Как все восточные люди (не хочу обидеть никого из восточных людей, но есть у них такая особенность), молодой начал сразу на «ты»:

– Слушай, земляк!



Ни к Кавказу, ни к Средней Азии я не имею ни малейшего отношения, но с моим ли опытом удивляться.

– Земляк! Огурец нужен «Апрельский».

Я, как истинный европеец и москвич, был очень польщен

принятием меня в землячество и ответил, что огурцы можно купить в овощной палатке за углом.

– Нэ, брат, ты нэ понял. Огурец «Апрельский» хочу, много.

Меня переполняла гордость за новообретенного брата, но я во второй раз был вынужден отказать. Ну нет у меня огурцов, ни апрельских, ни майских, ни июньских. Единственные огурцы, которые у меня есть, это банка маринованных «Дядя Ваня», однако гарантировать, что они «Апрельские», я не могу. Но если он очень хочет, могу продать их, не обижать же... брата!



Мыслительный процесс занял у них минут пять.

– Э, брат, как нэту? А вот, – потыкал наконец грязным пальцем в стенд пожилой.

И только приобрета еще одного «брата», переполненный

радостью, я понял, что им нужны семена огурцов, причем сорта «Апрельский». Хочу сказать, что до этого дня я не слышал о таких, а покупал огурцы на рынке или в магазине, не задумываясь, какого они сорта. Я ушел в подсобку и вынес пакетиков десять этого самого «Апрельского» огурца. Рассматривая на ходу пакетик, я узнал, что всего там было десять штук семян и стоил он недешево по сравнению с другими. Магазин у меня был маленький, и помногу товара я не брал, тем более одной позиции.

– Э, брат, много! Это много, и открытка себе оставь, – сказал пожилой, разрывая один пакетик и высыпая на ладонь десять семян. Глянцевую упаковку с изображением этого «волшебного» огурца и очень подробной инструкцией, как его выращивать, он отбросил в сторону.



Я вежливо заметил, что, хоть он мне и брат, но пакетик придется оплатить. Мужик вытащил купюру из пачки, которую в свою очередь выудил из борсетки, засветив при этом ее содержимое, и бросил на стол. На эту сумму можно было купить все десять пакетиков, и еще бы осталось.

– Здачи нэ надо, – сказал он значительно. – Брат, зделай, очень надо, завтра домой уезжаю, одын килограмм надо!

Он мог ничего не говорить. Секундный взгляд на содержимое его борсетки и немалый опыт общения с такими

людьми говорили мне, что отпускать его нельзя.

До стенда с семенами было три-четыре шага, но прошел я их так медленно, что за это время можно было обежать во-круг дома. Об этом огурце я слышал впервые. Где его взять, я не знал. Поставщиков, оптовиков у меня не было. Да, честно говоря, я и не занимался никогда сам. Подойдя к стенду, я с деловым видом по очереди брал пакетики с семенами, читал названия фирм и раздувал щеки.

– Вот, «Агропромсель»... (кто только придумывает эти названия!) Да, я директора знаю. Вчера пиво пили, надо ему позвонить, – вещал я.

– У них нэт, – неожиданно изрек молодой. – Мы у них брали, цена хороший, но сейчас нэт. По их цене возьмем два килограмма прямо счас.

– А почему брали? – спрашиваю.

Надо же хоть знать, сколько стоит один килограмм! Молодой назвал цену, сопоставимую с подержанной «девяткой».

«Ни хрена себе! Килограмм “травы” стоит меньше», – почему-то подумал я, хотя цену килограмма “травы” тоже не знал. Мысли путались, мне нужен был тайм-аут. С одной стороны, я понимал, что найти семена прямо сейчас не смогу, с другой – отпускать брюнетов было нельзя.

Но события разворачивались стремительно, и молодой сам выручил меня. Он снял со стенда пакетик другой фирмы и протянув мне, сказал: «В этой есть, но дорого».

– А, Романыч... – протянул я первое, что пришло в голо-

ву.

– Константин Сэргээвич там директор, – недоверчиво сказал молодой.

– Костик генеральный, Романыч – коммерческий, – ни секунды не задумываясь, парировал я.

Поймать хотел? Не на того нарвался!

– Сейчас позвоню, и решим. Подождите пять минут.

Я вошел в «офис». Соображать надо было быстро. Итак, что я имел: фирма, в которой семена пусть задорого, но были, и реальные покупатели, готовые купить, но дешево. Я сел за стол, на котором были разбросаны пакетики. Мой взгляд упал на пакетик сорта «Подмосковный». Цена раз в десять меньше, да и количество семян явно отличалось в разы...

Выход найден.

Я быстро вышел в торговый зал, держа мобильный телефон у уха и состроив сосредоточенное лицо. Весь «разговор» предназначался для ушей брюнетов.

– Как сам? Ну, ты вчера был «нарядный»... Как до дома доехал? Без приключений? Ну все... Два кэгэ для меня. Вечером заберу. Давай. Пока.

Брюнеты слушали с уважением. Я совершенно забыл, что пять минут назад рассказывал, как пил с директором другой фирмы. А может, я пил с ними двумя?! Имею право. И вообще, мы, директора крупных фирм, бывало встретимся, поговорим о всхожести сорта «Апрельский», поспорим о целесообразности химической обработки растений, подискутируем

о методах борьбы с мучнистой росой (болезнь растений такая, я где-то в умной книге читал) и нажремся. Вот такие мы, директора крупных агрофирм, к коим я причислял, конечно же, и себя. Но это я лишь подумал, а вслух сказал:

– Я договорился по цене, которая вас устраивает, но деньги сразу.

– Без проблем, – ответил молодой.

Они с минуту что-то лопотали на своем, и в итоге на стол брякнулись пачки туго перевязанных резинками денег.

– Пока, – сказал молодой, и они вышли из магазина.

Мне срочно нужно было выпить. Время – часов двенадцать, пить что-то крепкое рановато, тем более наметилось дело. Я взял пива, заперся в «офисе», выпил бутылку залпом и принялся рассматривать семена. Почему одни стоят копейки, а другие – по цене машины? На вид почти одинаковые... Пришлось взять литературу и побыть в роли Мичурина (ботаник такой был, кто не знает. И не в смысле «ученый очкарик». В самом деле наукой-ботаникой занимался, селекционер). И я все выяснил.



Оказывается, есть просто семена, а есть гибриды. Искусственно выведенные сорта. Но фишка не в том. Гибриды, как правило, партенокарпические, то есть самоопыляемые. Существуют семена для открытого грунта, а есть для теплиц. Говоря по-русски, семена простых сортов в закрытом парнике не вырастут. Даже не так: вырасти они вырастут, но не дадут урожай. Гибриды, повторюсь, самоопыляемые. Обычный огурец как плоды дает? Выросла плеть, расцвели на ней цветы (желтые такие), прилетела пчела в пыльцу, опылила –

все, жди урожая. Не прилетела пчела, оса или другая букашка – огурцов нет. Гибриды же растут в теплицах, на подоконниках, в конце концов. Тепло, светло, только пчел нет – а им и не нужно, они сами. Обильный полив обеспечь – и собирай урожай. Гибридный огурец «Апрельский», чисто тепличный сорт, созревает одним из первых, и путем несложных умозаключений можно догадаться, что в апреле. Сорт «Подмосковный» – обычный грядочный огурец, который в моем лице вытащил счастливый билет, и ему было суждено сыграть не последнюю роль в этой истории.

Я позвонил в фирму и договорился о покупке одного килограмма шестисот граммов семян огурца «Апрельский» и четырехсот граммов огурца «Подмосковный». До склада фирмы я добрался быстро, и часа через три на моем столе стояли пакеты с семенами.

Даже тара этих сортов сильно отличалась друг от друга, и сразу можно было понять, что цена разная. Семена огурца «Апрельского» были упакованы в аккуратные опломбированные холщовые мешочки, и к каждому был прикреплен сертификат, «Подмосковный» был в обычном бумажном пакете, на котором от руки приписали: «Подмосковный, 400 г». Да и содержимое сильно отличалось друг от друга. «Апрельский» – элита, семечка к семечке, все чистые, аккуратные и даже при тусклом освещении казались белее своего «низкопробного» собрата по грядке. Семена «Подмосковного» были грязные, слипшиеся и явно проигрывали по при-

влекательности.

Нужно было перебирать. Пошел «неестественный отбор», придиричивый и тщательный. Я усадил всех работников за переборку – домохозяйки так гречку перебирают. Из четырехсот граммов вышло от силы пятьдесят, пришлось ехать и покупать еще килограмм «Подмосковного». Смешивая два сорта, я почему-то представлял себя наркочилером, бодяжившим чистый колумбийский кокаин с отечественной дрянью. Чудо селекции! Мичурин годами выводил новые сорта, а тут за несколько часов бац – и новый сорт.

– Как его назвать? – веселился я. – «Подмопрель»? «Апрельпод»?

Вспомнилась знаменитая мелодия, где припев я перефразировал в «Подмосковные апрельские вечера».

Ближе к ночи на столе стояли два мешочка с семенами. Денек был насыщенный, я устал и поехал домой. Утром, еще до открытия магазина, брюнеты стояли у двери. Я с гордостью отдал им семена. Пожилой с уважением посмотрел на меня. Он открыл один мешочек, долго рассматривал содержимое, потом заулыбался и произнес что-то типа «Якши». О'кей то есть. Они пожали мне руку и удалились.

Я купил себе и жене по новому мобильнику, отдал часть долгов и мысленно сказал себе трезвому «до свидания». Два дня пролетели, как один час. Где я был? С кем? Поил потерявшихся в этой жизни друзей...

Назавтра – тяжелое, хмурое утро (хотя было уже часов

двенадцать, и за окном солнце). Телефон орал не умолкая, звонили из магазина. Меня разыскивал «молодой», раз пять уже приходил. О-па... Встретаться с ним еще раз в мои планы не входило. Я сказал, что буду позже, и полез в душ. Ждал он меня, видать, давно, потому что был синий от холода, ноябрь все-таки. Неужели вычислил? Но как? Вчерашний хмель гудел в голове.

Завидев меня, он ринулся навстречу.

– Брат, еще надо, много надо, дэсять килограмм надо! – выпалил он. – Дэнги привез, семена у тебя хороший, цена хороший! Выручай, брат!

Такого поворота событий я не ожидал, но не растерялся:

– Да какой вопрос, тащи!

Он вприпрыжку побежал к припаркованной невдалеке «шестерке», и не успел я дойти до входа в магазин, уже ждал меня на пороге с двумя пакетами денег. Я проделал те же манипуляции с телефоном, что и в первый раз: «Через три дня, Романыч уехал в Голландию за луковицами тюльпанов», – врал я.

– Хорошо, только, брат, очэнь прошу, здэлай, – он буквально всучил мне пакеты и быстро растворился.

Пакеты были большими и увесистыми, ручки рвались. Вот ведь люди, думал я. На рынке за копейку удавятся, так и норовят обсчитать или обвесить. А тут – чемодан денег малоознакомому человеку, без расписки, без пересчета...

Аппетит приходит, как известно, во время еды. Если пер-

вый раз «Подмосковного» было лишь двадцать процентов, то в этот раз соотношение увеличилось, и не в пользу «Апрельского». В процессе закупки семян всплыл очень интересный факт. Цены, по которой я отдавал, не существовало. Даже в фирме, где они якобы брали, она была процентов на десять выше. Вот ведь сучонок...

На дверях магазина красовалась табличка «Учет». Весь персонал днем и ночью перебирал семена. К назначенному сроку все было готово. Передача произошла быстро, «молодой» даже не взглянул на прилепленные мною сертификаты и пломбы (а я старался!), засунул все в большую сумку и убежал.

Звонок оторвал меня от созерцания BMW пятой модели, как раз вышел новый кузов. А шел я в кассу оплачивать четырнадцатую модель «жигулей» ну очень модного цвета «мокрый асфальт». Снова звонили из магазина. Продавщица взволнованно кричала, что «молодой» буквально вырывает у нее трубку.

– Ну передай ему трубку, – спокойно сказал я.

– Много надо, очень много, сто килограмм! – заикаясь, почти орал тот.

Первый раз за время нашего общения он не назвал меня братом. Мне, конечно же, было плевать на это, но я сделал вид, что оскорблен:

– Я тебя чем-то обидел, брат? Я тебе больше не брат? – коверкая русские слова и подражая его манере говорить, важ-

но спросил я.

– Прости, брат. Очень надо. Время нэт. Сажать надо. Выручай! – почти выл он.

– Хорошо, сейчас приеду, – как можно спокойнее ответил я.

Из ступора меня вывел менеджер автосалона:

– Вы брать будете? – умоляюще спросил он. – Мы коврики в подарок дадим!..

– Скоро вернусь! – Я окинул взглядом BMW. – Обязательно вернусь! – почти кричал я, выбегая из автосалона.

Купить в том году семена огурца «Апрельский» людям со стороны было нереально. Я скупил все. На развес смел сразу. Скупил все пакетики, опустошил склады всех фирм, у которых был этот сорт. Получилось около тридцати килограммов. Но тут возникла непредвиденная проблема: семена «Подмосковного» тоже везде закончились. А мне нужно было килограммов четыреста: при переработке расход шел один к пяти, из одного килограмма оставалось граммов сто пятьдесят, не больше. С трудом я нашел фирму-производителя этого сорта. Благо это оказалось не так далеко, в Одинцово. Конечно, можно было заменить его другим сортом, но за «Краснодарским», к примеру, пришлось бы лететь в Краснодар. Да и привык я как-то к «Подмосковному».

Офис агрофирмы я нашел с трудом. Да и офисом этот барак язык не поворачивался назвать. Все было в таком запустении... А ведь когда-то эта фирма гремела на всю страну!

Секретарша директора, наверное, ровесница Брежнева, едва не потеряла дар речи, узнав о цели моего визита.

– За наличный расчет? – тихо спросила она.

– Да, причем как можно быстрее, – солидно сказал я.

Директор выбежал ко мне и долго тряс руку.

– Я говорил, что наш сорт еще заявит о себе, – сказал он, оглядываясь на секретаршу. – Фермеры будут брать его тоннами, – он, видать, принял меня за фермера, – Вы не прогадаете, молодой человек. Вы знаете, какая у него прекрасная всхожесть, он устойчив ко многим болезням!

Директор убежал в свой кабинет и вернулся с пожелтевшей газетой «Сельская жизнь». В статье, которую я прочел, говорилось, что группа подмосковных ученых во главе с доктором сельскохозяйственных наук (он еще и доктор наук!) вывела новый сорт огурцов «Подмосковный» и была награждена ценными подарками.

– А какие подарки? – зачем-то спросил я.

– «ВЭФ-транзистор» и почетная грамота! – с гордостью сказал он, указав взглядом на стену, где висела эта грамота.



Мне было стыдно. Чувствовал я себя ужасно. Передо мной в какой-то лакейской позе в видавшем виды костюме стоял доктор наук. Не какой-то рыночный торгаш, а нормальный русский трудяга, который всю жизнь выводил сорт «Подмосковный», не нужный теперь никому.

– А сейчас мы работаем над сортом «Подмосковный Люкс», только финансирования нет, – тихо сказал он.

Я выложил на стол все пачки денег, которые у меня были, и пожалел, что не взял с собой больше.

– Здесь очень много, – оглядываясь, сказал он. – Здесь в три раза больше, чем надо.

– Это на новый сорт. Нам, фермерам, очень нужен ваш огурец.

– Так нельзя. Надо как-то оформить, – лопотал он.

– У меня нет времени, – ответил я.

– Как ваша фамилия? Я включу вас в список разработчиков как спонсора...

– Спасибо, не надо, – я уже выбегал из кабинета. Мне хотелось побыстрее смыться.

– Нет, нет, так нельзя, надо пересчитать, записать... – неслось мне в спину.

Магазин работал в три смены, хот я именно как магазин он не работал вообще. Вывеска «Учет» вросла в дверь. Внутри кипела работа. Перебрать четыреста килограммов – дело нелегкое! Наступал звездный час огурца «Подмосковный». Никогда еще этот сорт не продавался (да, уверен, и не будет, хотя очень хочу ошибаться) так дорого! Оставшиеся после переборки семена я дал команду раздать бабулькам-дачницам – по сто граммов в руки. Для солидности. Поставил условие: предъявить пенсионное удостоверение. Вот бы порадовался доктор наук, увидев, какой ажиотаж вокруг его сорта...

На Новый год мы съездили в Таиланд. Я рассекал на новой BMW. И все вроде было хорошо...

Первые числа марта. Я курил на ступеньках магазина.

Солнце светило ярко, но пока еще не грело.

Группу этих граждан я заметил издалека. Их было человек десять-двенадцать. Многие из них были одеты явно не по сезону, и встревоженные лица в совокупности с морозом выглядели еще суровее. Их выражение не предвещало ничего хорошего. Смываться было поздно: они заметили меня и прибавили шаг. Возглавлял процессию брюнет средних лет, очень подвижный. За ним шли «молодой» и остальные. Подойдя ко мне, они заговорили все разом, и, хоть я не понимал ни слова, это были явно не слова благодарности. «Подвижный» гаркнул им что-то на своем языке, и они замолчали. Жестикулируя, он подошел ко мне почти вплотную.

– Ты обманул моих людей. Огурцы твои не растут. Не тот сорт. Побазарить надо, – сказал он, пытаясь сделать грозное лицо.



Что-то в его поведении выдавало излишнюю нервозность. Может быть, напыщенная грубость?

– Базарят бабки на базаре. А если хочешь поговорить, давай поговорим, – ответил я, пытаюсь не проявлять волнения.

Разговор явно не вел ни к чему хорошему.

Он выругался в мой адрес и сквозь зубы процедил:

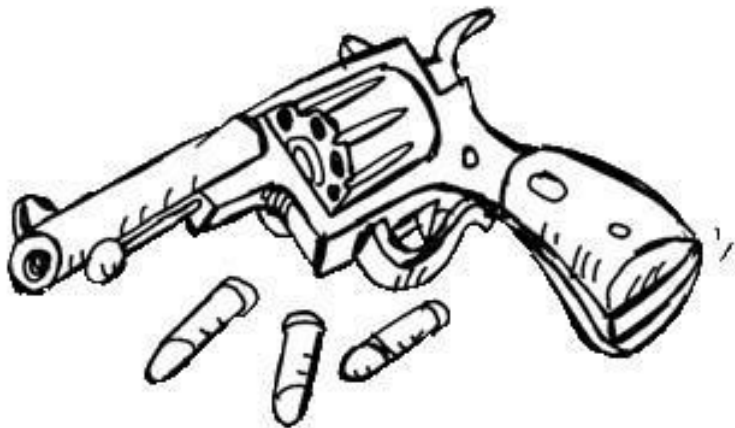
– Ты знаешь, с кем говоришь? Я вор в законе.

Лучше бы он этого не упоминал! Последняя его фраза

развеела все мои сомнения и укрепила догадку, что передо мной обычный понторез. Я лично напрямую не общался с ворами в законе, но присутствовал при разговоре. И очень хорошо помню, как поразили меня поведение и манера общения того человека. Неторопливая, четкая речь без мата и тем более без оскорблений собеседника, даже если тот был неправ. В нем прослеживались уверенность и властность. А передо мной сейчас стоял не пойми кто.

– Я вор в законе, – еще раз сказал «подвижный» более громко, явно рассчитывая уже не на мои уши, а на уши пришедших с ним.

– Я узнал тебя. Вор в законе по кличке «Жопа», – ответил я.



Я наглед, но отчетливо понимал, что, если дам слабину, они оставят меня лежать прямо здесь, у входа в магазин.

Вообще, я сильно рисковал. Вором в законе он, конечно, не был, но явно имел отношение к криминалитету и мог запросто пырнуть меня чем-нибудь. И неизвестно, чем бы закончились эти качели, но звезды явно сошлись надо мной. «Подвижный» не успел открыть рот, как напротив магазина с визгом остановился милицейский автобус, из него высыпалось человек пять омонцовцев. Ребята были все как на подбор (да в ОМОН других и не берут). Под два метра ростом и пудовые кулачищи. Они закурили, а один из них, явно старший, судя по капитанским звездочкам, двинулся в нашу сторону. Друзей и даже просто знакомых в ОМОНе у меня не наблюдалось, их остановка около моего магазина была явно случайностью – и явно удачным поводом улизнуть. Я двинулся ему навстречу.



– Здорово, – пробасил капитан, протягивая мне руку для приветствия.

– Здорово, – ответил я, протягивая руку тоже.

– Ты выполнил мою просьбу? – спросил, улыбаясь, он.

– Какую просьбу? – Я видел его, как мне казалось, в первый раз. «И почему он улыбается?»

– Понятно! – прочел он ответ он на моем лице. – Да, двадцать третьего ты был ну очень пьян. Праздновал День мужика хорошо. Меня звал выпить с тобой. Я, если честно, вечером с ребятами тоже позволил. Я просил у тебя плоскорез этого... как его?

– Фокина?

– Точно, плоскорез Фокина достать. Теща замучила, а тут вроде повод: Восьмое марта. А я ей тятку, – засмеялся он.

И тут я с трудом начал вспоминать: 23 февраля, в самый разгар банкета, действительно заходил здоровенный такой мужик, правда, тогда он был в штатском. Плоскорез Фокина (фамилия нового Кулибина) представлял собой гибрид косы и тятки. Мура редкостная, но реклама делала свое дело.

– Когда достанешь? До восьмого успеешь?

– Извини, забегался... завтра заезжай, достану.

– Точно? А сколько стоит? – спросил он.

Сколько он может стоить? И какие могут быть деньги в такой ситуации? В тот момент я готов был привезти ему самого Фокина вместе с его плоскорезом. Чтобы он на снегу продемонстрировал его чудо-свойства!

– Денег не надо, – сказал я.

– Э, ты, хорош! Я тебе «крыша», что ли? Мы такой херней не занимаемся.

Он стал хлопать себя по бокам, достал две мятые купюры из одного и третью – из другого кармана.

– Больше нет сейчас, если не хватит – доплачу.

Он буквально всучил мне деньги. Мне стало чертовски обидно – нет, не за себя, а за него. В десяти метрах стояли рыночные торгаши, которые, я в этом уверен, прямо сейчас могли достать по «котлете» денег. А простой российский офицер, прошедший, видать, не одну «горячую точку», имел в кармане гроши. Он кинул взгляд в сторону брюнетов (те

малость попятиться) и спросил:

– У тебя проблемы с этими чертями? Помочь? Не люблю я их.

– Да нет. Спасибо. Сам разберусь, – ответил я.

Хотя много бы отдал за спектакль с мордами в снег, особенно «вора». Но объяснять капитану причину конфликта по известным причинам мне не хотелось.

– Ну, как знаешь, – дружески хлопнув меня по плечу, сказал он.



МИЧУРАМ

Я повернулся в сторону джигитов. На них больно было смотреть, особенно на «вора». Кто такие омовцы, видать, знали не понаслышке. Вид у меня был наполеоновский. Разговор они наш не слышали, но со стороны это была картина маслом: подъезжает ОМОН, командир здоровается со мной, отдает деньги, я сопротивляюсь, не беру, так он еще и разводит руками – мол, больше нет! Даже не хочу догадываться, что они подумали. Я подошел к ним. «Подвижный», как мне показалось, стал даже меньше ростом. Он втянул голову в плечи и тихонько заблеял:

– Брат... извэни...

– Не брат ты мне, – перебил его я. Давно мне хотелось при случае произнести эту фразу из фильма «Брат», но некому было.

Он ничего не ответил, попятился и быстро исчез, промямлив что-то про то, что он в розыске. Ни в каком розыске он, конечно, не был, но надо же ему было как-то сохранить лицо перед своими!

– Разговор окончен, – грубо и важно сказал я, повернулся спиной и спокойно вошел в магазин. Столбняк продолжался у них еще минут десять, после чего они ушли. Краем глаза я заметил, что «молодой» садится не в знакомую мне раздолбанную «шестерку», а уже в подержанную тюнингованную «девятку». Тоже, видать, на огурцах поднялся...

Больше они меня никогда не тревожили.



Плоскорез капитану я, конечно, достал. Стоил он, кстати, раз в пять дороже той суммы, что тот мне дал, но я не взял с него ни копейки. Он заезжал ко мне еще пару раз, и мы даже выпили с ним водочки. Первое впечатление не стало обманчивым. Он оказался вечным капитаном, никого не крышующим и не стелящимся под начальство. Реально воевал и повидал многое на своем веку. Настоящий мужик, без мишуры и пафоса. Приходящий на помощь людям – себя я не имею в виду, хотя как знать. Российский «ОМОН

FOREVER». Я буквально всучил ему полкило семян огурца «Подмосковный». Он искал меня летом, передавал привет от тещи и большое спасибо за семена. Огурцы, говорил, чудовые, а кто бы сомневался. Но мы с ним больше так и не встретились.

* * *

«Бэха» плавно заехала на мойку. Я заказал полный комплекс.

– Багажник пылесосить будем? – спросил мойщик.

– Да, – ответил я.

– У вас семена рассыпались, – сказал он, показывая на маленькую дырочку в мешке.

– Не проблема, пылесось.

На мешке красовалась надпись «Подмосковный Люкс». Вечером я должен был встретиться с «молодым». Он забежал ко мне на днях и просил (во debil неугомонный!):

– Хороший огурец дай!

Я впервые не обманывал его. Я вез ему чистые, не перебранные и не бодяженные всякими там «Апрельскими» хорошие семена.



– Огурцы что такие дорогие? – спросил я у продавца на

рынке месяц спустя.

– Неурожай, – ответил он.

Я огляделся. Огурцов действительно было мало.



Отец Костик

Я еле полз по МКАД. Впереди была ужасная пробка. Очень хотелось свернуть на первом же съезде, но у меня сегодня был ответственный день. Я ехал в церковь. Делал я это, как любой православный человек, не в первый раз, но уже забыл, когда бывал там раньше. Грешен: делаю это нечасто.



Я не о храме, а именно о церкви. Меня бесит, когда мои знакомые, которые вдруг резко поверили в бога, как они сами говорят, «пришли к этому», с умным видом поправляли меня, когда я говорил «в церковь»: «Нужно говорить не “в церковь”, а “в храм”!» Мол, церковь – это тоже храм божий. Я никогда не парился на эту тему. Мое поколение говорило «в церковь». Единственный храм, который мы знали, – Ва-

силия Блаженного на Красной площади.

Однако я попытался выяснить, как же все-таки правильно говорить: идти “в храм” или “в церковь”. С научной точки зрения (хотя термин «научный» к делам церковным подходит плохо, лучше «с мирской»), различия между храмом и церковью есть. Храм, в первую очередь, – это помещение для богослужений, а церковь – община единоверцев. Храм по размерам больше церкви, на нем должно быть не менее трех куполов. В храме может быть несколько алтарей с престолом, а в церкви – один. В храме может проводиться несколько литургий в день, а в церкви она проходит лишь единожды. Перечислять можно долго. Но это, повторяю, с мирской точки зрения. Любой адекватный священнослужитель скажет, что неважно, как говорить: «в храм» или «в церковь». Храм должен быть у тебя в душе. И неважно, куда ты идешь, главное – зачем и что ты там делаешь. С таким мнением я согласен полностью, даже не буду шутить на эту тему.



Есть у меня один товарищ. Набожный – куда там! Садясь в машину – крестится. Завидев вдалеке церковь, тоже крестится. На все службы ходит, пост соблюдает. А сам занимается крадеными машинами. Ну, мол, я же их не ворую, а просто продаю. Как модно сейчас говорить, двойные стандарты.

Но все же сейчас я ехал именно в церковь. Ну вот привык я так. А если нет разницы, как говорить, то я буду говорить так, как мне больше нравится.

Никакого церковного праздника, по крайней мере большого, в тот день не было. Да и ехал я совсем за другим. Я ехал встретиться со своим одноклассником Костиком. Странное, кажется, место для встречи, если бы не одно «но»: Костик работал (или служил?) в церкви батюшкой. Что тут такого? Подумаешь, одноклассник – батюшка. Этим сейчас никого не удивишь.

Одно время мы были не просто приятелями, а друзьями. Не видел я его очень давно: разошлись наши жизненные пути. Через знакомых до меня доходили слухи, что он «ударился в бога», но мне было как-то все равно. Плохой человек был Костик. До сих пор не знаю, зачем мне нужна была эта встреча. Наверное, хотел просто взглянуть на него, посмотреть ему в глаза. В свое время он меня серьезно подставил и круто изменил мою жизнь. Не могу однозначно сказать, в лучшую или худшую сторону, но изменил. Что я хотел от него? Извинений? Да не нужны мне его извинения. Я ни о чем не жалею. Я просто не мог понять одного: ведь этот человек священнослужитель; он крестит, отпевает, но самое главное – отпускает грехи. Он отпускает грехи. Ему исповедуются, рассказывают самое сокровенное. Как он выслушивает эти исповеди, будучи тем, кто он есть? Как??

Движение практически встало. Я открыл окно и, затянувшись, выпустил струю дыма. Вот и лето кончилось. А ведь примерно в это время года мы с ним и познакомились. Это было в далеком 1984 году.

В Москву я попал только в десятом классе, до этого жил в небольшом провинциальном городе. Отца перевели сюда работать, и мы всей семьей переехали в один из спальных районов столицы. Первого сентября я, как и все мои сверстники, пошел в школу, в выпускной, десятый класс. Меня определили в класс «А». Я никого не знал и сиротливо стоял в стороне.



Школы в СССР очень сильно отличались от современных, и одно из главных таких отличий – общая для всей страны школьная форма. Ношение ее было обязательным. Конечно, многие пытались выделиться, но только путем экспериментов с этой самой формой. Ребята зауживали брюки, девчонки укорачивали юбки, но не более того.

Его я заметил сразу. Он выделялся из общей толпы тем, что на нем были джинсы. Для меня, провинциала, твердо знающего, что приход в школу в кроссовках означает автоматический вызов родителей на педсовет и неизбежный «неуд» по поведению, это выглядело круто. Он подошел ко мне и, панибратски хлопнув по плечу, спросил:

– Новенький?

– Да, – немного смущаясь от такого наглого поведения, ответил я.

– Да ты не дрейфь, я вроде как тоже новенький. Константин, – протянул он мне руку.

– «В переводе с античного – “постоянный”», – пошутил я в ответ.

– Чего? – он не узнал цитату и удивился.

Как раз недавно на экраны вышел фильм Михаила Козакова «Покровские ворота» и сразу заимел бешеную популярность. Если помните, главный герой фильма, любвеобильный Костик в лице молодого Олега Меньшикова, знакомясь с девушками, представлялся именно так: «Константин, в переводе с античного – “постоянный”». Мне безумно нравил-

ся и нравится этот фильм. Я смотрел его множество раз и, конечно же, знал все крылатые фразы из него.

– В фильме «Покровские ворота», помнишь? – пытался подсказать ему я.



– Не помню, – уверенно ответил он. По интонации я понял, что фильм он не смотрел. Повисла пауза, и я смог по-

лучше рассмотреть своего нового знакомого. Ростом он был с меня, а во мне уже тогда было 182 сантиметра. Русые волосы, модная прическа того времени: челка загорживает поллица. А-ля Бой Джордж из популярной группы Culture Club. Правильные черты лица, худощавое телосложение. Ну, в 16–17 лет мы все были худые и звонкие. Это сейчас иногда смотрю на своих друзей, которые отрастили пивные животики и вес набрали за центнер, и не верю, что когда-то все мы были одной комплекции.

– Ну что, скоро там урок? – прервал молчание Константин и поискал глазами часы на школьной стене. И тут настало мое время выпендриться, хотя, если честно, я пытался это сделать с того момента, как он подошел. Я до такой степени вытягивал левую руку из пиджака, что со стороны, наверное, казалось, что на мне пиджак моего младшего брата. Ведь на руке красовались настоящие японские говорящие часы! Я очень ими гордился. Их подарил отцу один приятель, съездивший в командировку в Японию. Часы были пластиковые, и отец предпочитал носить свои, проверенные временем, – «Полет». Часы достались мне. В своем городе я ощущал себя с ними самым крутым! Я каждые две минуты смотрел на них, да еще и так, чтобы это видели окружающие, а для полного эффекта нажимал на кнопку, и женский голос с акцентом говорил, сколько времени. Из-за часов меня не раз выгоняли из класса и вызывали родителей.

Вот и сейчас я гордо нажал на кнопку. Женский голос про-

изнес: «Восемь часов пятьдесят минут».

– Хорошие котлы, – одобрительно закивал Костик. – Джапан?

– Нет, «Сейко», – ответил я. Что поделать, если именно так произносили название этой фирмы в моем родном городе? Костик чуть не задохнулся от смеха.

– Ну, ты вообще деревня, – сквозь смех сказал он. – Джапан – это Япония по-английски. А «Сейко» – хорошая фирма. Ладно, пошли, а то опоздаем, Сейко, – передразнил меня он.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, где был наш класс, мы буквально протискивались сквозь толпу рвущихся к знаниям учеников. К моему удивлению, Костик со многими здоровался, его окликали и приветствовали.

– Ты же говорил, что новенький, а тебя полшколы знает, – удивился я.

– Да учился я в этой школе до седьмого класса, потом ушел, – состроив недовольную физиономию, ответил он.

– Как ушел? Куда ушел? – не унимался я.

– Куда-куда. На кудыкину гору, – еще больше раздражаясь, ответил он. Разговор о школе ему явно не нравился. – В спортшколе я два года учился.

В хоккей играю, – с нескрываемою напыщенностью ответил он.

– Да ладно, – изумился я.

– Прохладно, – огрызнулся он.

– А чего ушел?

– Да с Тихоновым поцапался на тренировке, вот и выгнали, – не моргнув глазом, соврал он. Я хоть и был из провинции, но кто такой Виктор Васильевич Тихонов знал очень хорошо. Да что я! Вся страна знала, от детей до стариков. Легендарный советский тренер, только в феврале приведший нашу сборную к титулу олимпийских чемпионов в Сараево.

– А-а-а, ты играл в одной пятерке с Фетисовым, Касатовым, Макаровым, Ларионовым и Крутовым, – отыгрываясь за «Сейко», подкалывал его я. – Но что-то не узнаю я вас в гриме. Или вы в маске были, на воротах стояли? Да там Третьяк вроде. Да и молоды вы больно, – не унимался я.

– Хочешь верь, хочешь нет, – продолжал сочинять Костик, дабы не потерять лицо. – В юношеской команде ЦСКА я играю. Он к нам на тренировку приезжал, отбирать перспективных игроков в школу олимпийского резерва. Ну, я и огрызнулся. – Костик врал безбожно. В свое время Джон Леннон из «Битлз», будучи на пике популярности, сказал: «Мы сейчас в мире популярнее Иисуса Христа». Не знаю, как Леннон, но то, что в СССР в то время наши хоккеисты были популярнее Иисуса Христа и «Битлз» вместе взятых, – это точно. Их знали по именам и в лицо. Боги! И тут какая-то сопля огрызнулась самому Тихонову?



Мне стало смешно. Но, как выяснилось позже, врал Костик не во всем. Он действительно играл в хоккей за ЦСКА и действительно учился в спортшколе. А выгнали его за занятия фарцой. Хоккей был на подъеме, и в составе команды Костик не раз выезжал на границу, и не только в страны

соцлагеря – ГДР, Чехословакию, Югославию, – но даже и в Канаду. Покупал там джинсы, журналы Playboy и здесь ими торговал. Спортсмены тогда зарабатывали немного, поэтому такой подработкой грешили почти все. Костика поймал тренер, и он с позором был выгнан.

Прозвенел звонок. Мы вошли в класс и, не сговариваясь, проследовали на последнюю парту, хотя свободных мест было много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.